

— Мы пока не знаем результата, не так ли? — серьёзно сказал врач. — Вам следует сохранять спокойствие, иначе это создаст дополнительный стресс для пациента.

Чжун Гуаньбай опустил голову:

— Вы правы.

Врач кивнул женщине с холодным и сдержанным выражением лица и ушёл.

— Какой слабак, — сказала женщина, глядя на Чжун Гуаньбая.

Её голос был тихим, словно она старалась соблюдать тишину в больничном коридоре, но слова, которые она произносила, были крайне едкими.

— ...Сестра Инжу, я пойду к Цзаоцю, — тихо сказал Чжун Гуаньбай.

— Я не заслуживаю, чтобы ты называл меня сестрой, — рука Лу Инжу легла на ручку двери. — Он не захочет тебя видеть.

— Он нуждается во мне, — сказал Чжун Гуаньбай.

— Чжун Гуаньбай, ты никогда не понимал Цзаоцю, — произнесла Лу Инжу.

Она была старшей сестрой Лу Цзаоцю, и когда её лицо было лишено эмоций, она становилась похожей на него. Её внешность сама по себе внушала уважение и обладала некой непререкаемой авторитетностью.

Чжун Гуаньбай изо всех сил старался сохранить уважение к Лу Инжу:

— Сестра Инжу, пожалуйста, уступите дорогу.

— Ты совершенно не осознаёшь его гордость и неуверенность, — Лу Инжу внимательно посмотрела на Чжун Гуаньбая. — Я не знаю, почему ты потом снова захотел быть с ним, но если это из-за скрипки... теперь он, возможно, потеряет способность играть.

Бровь Чжун Гуаньбая дрогнула, и он нахмурился:

— О чём ты говоришь? Что значит... снова захотел?

Лу Инжу помолчала:

— Семь лет назад я была против операции на пальцах Цзаоцю. Риск был слишком велик, а эффект минимален. Я тогда сказала ему: «Если ты любишь его, иди и подружись с ним, завоюй

его. Делать бесполезную операцию втайне от него — это что? Просто слабость». Знаешь, что он мне ответил?

— ...Что? — Чжун Гуаньбай был в замешательстве.

— Он сказал мне...

— ...что уже пытался.

— Когда он это произнёс, его лицо исказилось. А теперь ты говоришь мне, что ничего не знаешь?

— Сестра Инжу... о чём ты вообще? — вена на лбу Чжун Гуаньбая пульсировала.

Лу Инжу смотрела ему в глаза, словно пытаясь понять, правду ли он говорит:

— Во время вашего первого тура Цзаоцю уже был с тобой... ты не знал?

Чжун Гуаньбай застыл на месте. В его голове мелькнуло что-то, но он не мог ухватить эту мысль.

— Он не рассказывал мне об этом, он сообщил только своему врачу. Я узнала, когда обсуждала с доктором вопросы операции... — Лу Инжу была сдержанным человеком и не могла говорить слишком прямо. — До того как он был с тобой... он сам не знал, что у него... эректильная дисфункция. Из-за этого, после твоего отказа, его неуверенность в себе была очевидна. Потом ты снова стал с ним, потому что услышал, как он играет на скрипке, и это стало всей его опорой и гордостью.

Голос Лу Инжу был спокоен, но каждое её слово било по Чжун Гуаньбаю, словно нож.

— Чжун Гуаньбай, ты забыл обо всём этом вместе с партитурой своего сольного концерта.

Вдруг в его ушах зазвучали отдалённые ноты, словно доносившиеся издалека. Похоже, это был вальс.

— Ты... — Чжун Гуаньбай почувствовал, будто его пригвоздили к воздуху. — Этого не может быть...

Это... неправда, да?

Во время первого тура он был только с одним человеком...

Он пристально смотрел на пол, перед глазами возникла размытая фигура в серебряной маске.

Всё постепенно прояснялось.

Семь лет назад.

Париж, Сена.

Чжун Гуаньбай сидел на скамейке на Мосту Искусств, допивая бутылку аперитива.

Он смотрел на Лувр напротив и вдруг вспомнил сцену из фильма «Однажды в Китае», где Лесли Чун стоял на Мосту Искусств и курил. Уличный художник нарисовал портрет Лесли, и тот спросил: «Ты знаешь, кто я?»

Уличный художник улыбнулся — не знал.

Лесли развернулся и ушёл, сделав два шага, он обернулся и сказал: «Я великий вор, завтра прочтёшь в газетах».

Чжун Гуаньбай встал, держа пустую бутылку, и прислонился к перилам моста:

— В Париже повсюду нерастроченная весенняя страсть.

Уже наступила ночь, на берегу Сены было много молодых людей, все болтали и пили.

Молодой француз с татуировками на руках взглянул на Чжун Гуаньбая. Тот небрежно поднял подол рубашки, обнажив идеальную линию мышц живота над низкими джинсами.

Француз заинтересованно подошёл и спросил по-английски:

— Один?

Чжун Гуаньбай в то время ещё плохо говорил по-французски. Он небрежно ответил по-английски:

— Конечно нет.

Француз уже начал разочаровываться, когда Чжун Гуаньбай добавил с легкомыслием:

— И ты.

Француз засмеялся:

— Пойдёшь со мной?

Чжун Гуаньбай поднял бровь:

— Куда ты хочешь меня забрать?

— В интересное место потанцевать, как насчёт этого? — сказал француз и обнял Чжун Гуаньбая за талию.

Они сделали несколько шагов, и вдруг Чжун Гуаньбай заметил, что навстречу идут несколько человек — все члены оркестра, с которыми он гастролировал. Среди них был и знакомый пианист Тао Сюань. Это было неловко. Чжун Гуаньбай сказал французам:

— Подожди меня, это мои коллеги.

Он не хотел, чтобы знали, что он студент на гастролях.

Француз тактично отпустил его.

— Это же Чжун... — Тао Сюань уже собирался пошутить, но, вспомнив о присутствующих, поправился:

— Чжун Гуаньбай.

Чжун Гуаньбай, подходя, смеясь, выругался:

— Шутишь, что ли? Всё из-за развратной атмосферы Парижа, знаешь ли.

Он уже собирался продолжить, но заметил, что рядом с Тао Сюанем стоит серьёзный и холодный концертмейстер оркестра, Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю был строгим и сдержанным. Чжун Гуаньбай не был с ним близок и не решался говорить лишнего, поэтому сразу сказал:

— Я просто гуляю по Сене. Вы развлекайтесь, я пойду.

Тао Сюань предложил:

— Может, пойдёшь с нами? Лу Цзаоцю говорит по-французски как на родном. Это редкий шанс попросить его быть гидом.

Чжун Гуаньбай взглянул на ждущего француза и на бесстрастного Лу Цзаоцю:

— Не могу, меня ждёт друг.

Тао Сюань взглянул на француза и сразу же улыбнулся с пониманием:

— Ну, завтра вечером у нас выступление, так что «гуляй» осторожно.

— Ладно, ладно, я не такой, — пробормотал Чжун Гуаньбай и уже собрался уйти.

— Куда ты идёшь? — спокойно спросил Лу Цзаоцю.

Вероятно, Лу Цзаоцю редко интересовался чужими делами, потому что все удивились, услышав его вопрос.

— Я? — Чжун Гуаньбай указал на себя, широко раскрыв глаза. Он не понимал, почему Лу Цзаоцю вдруг заинтересовался его планами.

Лу Цзаоцю:

— Да.

Чжун Гуаньбай не знал, что ответить. Он ведь не мог сказать выглядевшему абсолютно бесстрастным Лу Цзаоцю, что собирается танцевать, пить в баре и, возможно, заняться чем-то ещё.

— Завтра выступление, я должен убедиться в безопасности участников, — сказал Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай пожал плечами, взглянул на француза и понял, что даже не спросил его имя, поэтому крикнул:

— Дорогой, куда мы идём?

Француз ответил:

— Сегодня вечером маскарад в баре «Amour».

Чжун Гуаньбай сказал Лу Цзаоцю:

— Вот туда.

Лу Цзаоцю:

— Да.

Почему-то ему показалось, что лицо Лу Цзаоцю стало немного мрачным. Но Лу Цзаоцю никогда не улыбался, поэтому Чжун Гуаньбай не придал этому значения, попрощался и ушёл.

Бар «Amour».

Чжун Гуаньбай купил две маски с перьями, одну надел сам, другую дал француз.

Чёрные перья обрамляли его глаза, создавая особенно соблазнительный образ среди ярких огней и веселья.

Он выпил ещё немного, француз тоже напился. Они долго танцевали в центре зала, а когда спустились, возбуждённый француз сел прямо ему на колени.

Чжун Гуаньбай вдруг осознал: а не пассив ли этот парень? В таких ситуациях обычно он сам садился на колени другим. Даже если он занимался в спортзале, то чтобы выглядеть лучше, а не для того, чтобы на нём сидели.

Два пассива не смогут стать любовниками, друзьями они тоже не станут, да и француз был скучноват.

С этой мыслью он сразу же охладел, оставил француз и пошёл к барной стойке, чтобы выпить в одиночестве.

На стойке раздался лёгкий стук.

Перед Чжун Гуаньбаем появился стакан воды.

<http://bllate.org/book/15543/1382846>